

Тайна одного стихотворения

➤ В семье Деминых бережно хранят отцовские традиции

В ЭНЦИКЛОПЕДИИ Магнитки можно узнать, что Константин Григорьевич Демин – кавалер орденов Ленина и Трудового Красного Знамени, почетный металлург, мастер мартеновского цеха № 1.

Достойная жизнь, высокие награды и признание коллег. Но, каким он был семьянином, нигде не прочесть, об этом знают лишь его близкие: жена, дети, внуки, друзья. Его уже нет с ними, но память о нем бережно хранят, и невольно кажется – он незримо рядом.

Накануне 15 ноября – своего семидесятилетия – Нэлли Алексеевна увидела во сне мужа: он молча смотрел на нее и улыбался. Когда проснулась, нашла в ящике серванта лист бумаги – будто кто в руку вложил. А там стихи для нее – от мужа.

Ах, любовь моя – Заря,
Где ж мы раньше были?
Почему друг друга мы
Не сильно ценили?
Были радости у нас,
Были огорченья.

Не всегда в семье у нас
Были воскресенья.
Полстолетия прожили,
Подняли детей
И сидим мы рядышком
С думкою своей.

Было ль время, не было,
Но прошли года,
Ну, а радость и любовь
С нами навсегда.

– Папа родился в селе Буранном Агаповского района, там было отделение совхоза Магнитный с красивым названием «Утренняя заря», – рассказывает младший сын Деминых Константин Константинович. – А в двух километрах располагалось другое отделение – Требиат. Там был клуб – сначала смотрели фильм, а потом раздвигали скамейки и танцевали под гармошку. Летом 1957 года отец встретил там городскую недоступную красавицу Нэлли. Он тоже был не промах – душа компании, обаятельный, хорошо танцевал. Они полюбили друг друга. В декабре его призвали в армию – на Тихоокеанский флот. Два года переписывались, а когда он пришел в отпуск, женились – 1 октября 1959 года. Немного не дождал он до золотой свадьбы... Чета Деминых вырастила троих

детей. В 1961 году родился старший – Сергей. Отец назвал его так в честь любимого поэта Сергея Есенина. Константин Григорьевич был человеком начитанным – в доме всегда было много книг. И повелось: дети любят читать, внуки. В 1964 году родилась Светлана – светлая душой, а в 1970 – Константин, которого отец назвал в свою честь.

Дети родителей очень уважали. – Мама была воспитательницей в детском саду № 60, – говорит сын. – Строгая и суровая, одновременно добрая и ласковая. Поддерживает уют в семье. У каждой вещи – свое место, этому и нас научила. Врать не умеет. Нас воспитывала по справедливости. Отец много работал. Помню, я пришел из школы, а он спит, вернувшись со смены. Я ему: «Папа, я двойку получил!», а он мне: «Мать придет, разберется! Ложись рядышком спать». У него было много учеников, на улице с ним часто здоровались. Был на все руки мастер, и не только на работе. Отец всегда делал практичные по-

дарки: футбольные и волейбольные мячи, коньки, лыжи, перочинный нож с отверткой и шилом... Он ведь деревенский, поэтому по дому умел делать все и нас научил. Уклад жизни – домострой. Я пошел по стопам отца: работаю на комбинате старшим менеджером по энергооборудованию управления главного механика, руководителем работ по вводу в эксплуатацию энергооборудования стана «5000». Горжусь, что отца на комбинате помнят, и фамилия Деминых на слуху.

Особенно запомнился Константину Константиновичу отдых в санатории «Еловое» под Чебаркулем. Наверное потому, что все это время отец и сын полностью принадлежали друг другу: гуляли, разговаривали, занимались спортом, плавали... Сын удивлялся природной мудрости отца и умению найти подход, наладить контакт с любым человеком.

– В эмалированном чайнике нам давали кумыс, – вспоминает Константин Константинович. – Наши

соседи по столу – бабушка и внучка – не могли к нему привыкнуть. Отец им посоветовал: «Когда пьете, попробуйте в это время его не нюхать». Сработало. А мы потом шутили: лучше бы не учили пить кумыс, весь чайник бы нам доставался...

Люди тянулись к Константину Григорьевичу. Вокруг было много родственников, друзей – вместе все выходные и праздники. Когда купили машину, часто отправлялись то на рыбалку, то в лес с палатками. Потом появился сад – место приложения сил и отдушина для души. Не мог дождаться, когда наступит весна, все лето жил в саду, да и зимой ходил туда каждые выходные. Возле тех подъездов, где жил, сажал деревья – сейчас уже выросли тополя и березы. Люблю к природе и животным свойственна хорошим, душевным людям. А животных в доме Деминых всегда было много: отец разводил голубей, жили у них коты, собака, хомячки, рыбки... Сын помнит, как пошли с отцом к его другу выбирать котенка. Но котенок сделал выбор сам – выскочил им под ноги, и отец сразу сказал – это Тимка. До дома котенок ехал в рукаве отца.

– С тех пор так у нас все коты Тимки, а все собаки – Бимки, как назвал однажды отец, – улыбается Константин Константинович.

В семье Деминых царил настоящая любовь – без громких слов. И именно у родителей учились дети выстраивать отношения. Когда Константин влюбился, а было ему всего 16, отец сказал ему:

– Ну что ж, давай поговорим.

На серьезные темы они разговаривали редко – не из-за конфликта отцов и детей, а потому что, наоборот, были близки друг другу и понимали все без слов.

– Ты понимаешь, что мы, Демины, однолюбы, и если влюбишься, то это на всю жизнь? – спросил отец.

– Да, – ответил сын с пылающим лицом.

– Тогда умойся холодной водой и ложись спать.

Константин женился на своей избраннице в день своего 18-летия, и по завету отца они живут душа в душу.

У Деминых-старших пятеро внуков. Есть в их семье еще одна традиция – младшего внука назвали Константином, в честь знаменитого деда

ЕВГЕНИЯ ШЕВЧЕНКО

Младшего внука назвали Константином в честь знаменитого деда

Холокост по Канторовичу

➤ МНЕНИЕ
В ПОСЛЕДНЕМ майском приложении к еженедельной израильской газете «Вести-2» изложены взгляды научного сотрудника Тель-Авивского университета Нати Канторовича по отношению к так называемому холокосту в бывшем Советском Союзе и странах постсоветского пространства.

Холокост – физическое уничтожение евреев как нации. Холокост – трагедия не только еврейского народа, но и всего человеческого сообщества, так как все народы мира имеют право на существование.

Оценивая катастрофу, так евреи называют холокост, нужно стараться быть объективным. У Н. Канторовича это не всегда получается. Его утверждение, что в Советском Союзе

имели место гигантские масштабы геноцида, а значит, и уничтожения евреев, не соответствует действительности. В середине 30-х годов прошлого столетия в Союзе в ходе массовых репрессий приговаривались к расстрелу люди самых разных национальностей. В том числе и евреи. Массовые убийства евреев в Союзе только за то, что они евреи, – досужие вымыслы Н. Канторовича.

Красной нитью через все его рассуждения прослеживается обида на то, что нет отдельного упоминания об участии евреев в Великой Отечественной войне, в партизанском движении, подпольной работе, разведке. Между тем, за заслуги в боях десятки тысяч евреев награждены орденами и медалями. В братских могилах хоронили бойцов всех национальностей: разбираться, кто какой национальности, было некогда, шли ожесточенные бои. Стоял вопрос: быть или не быть

советскому государству, жить или не жить советским евреям.

В Советском Союзе элементы антисемитизма были. Официально это не признавали, но некоторые ограничения в отношении евреев известны. Сейчас их нет, но отдельные проявления антисемитизма на бытовом уровне имеют место. Поэтому разговоры об отдельном статусе евреев в годы войны и репрессий могут вызвать дополнительный антисемитизм. Сегодня российским евреям они не нужны. Мы в одной лодке, и если она перевернется, то евреям будет не до отдельного статуса.

До войны в Риге проживало несколько десятков тысяч евреев. На момент ее освобождения от фашистов их осталось несколько человек. В годы оккупации в Латвии был осуществлен холокост. В Риге создали гетто, куда согнали всех евреев Риги и близлежащих к городу

районов. Евреи гетто и концентрационного лагеря «Саласпилс» были уничтожены.

Сегодня айзсарги и их приспешники маршируют по улицам Риги и во всех убийствах обвиняют советских «оккупантов». Но не советские «оккупанты» заживо сожгли евреев в рижской синагоге, а те же айзсарги – члены военизированной националистической организации в буржуазной Латвии, еще в первые дни захвата Риги немцами.

Нати Канторовичу следовало бы не плакаться, что в Латвии не судят палачей еврейского народа, а потребовать от правительства Израиля самых серьезных мер к пресечению маршей нацистских преступников-айзсаргов, причастных к организации холокоста, и привлечению к суду людей, принимавших участие в еврейском геноциде в Латвии

КОНСТАНТИН КРЫШ,
ветеран труда

➤ Никогда не известно, сколько судьбы в нас, а нас – в судьбе. Ян Збигнев СЛОЕВСКИЙ